

Соколова Е.Т., Иванищук Г.А. Проблема сознательной и бессознательной манипуляции



English version: [Sokolova E.T., Ivanishchuk G.A. The problem of conscious and unconscious manipulations](#)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

[Сведения об авторах](#)

[Литература](#)

[Ссылка для цитирования](#)

Рассматривается феноменологическое и теоретическое разнообразие представлений о манипуляции, для которых общей выступает тема контроля, управляемого поведения другого человека без учета его собственных потребностей и эмоций. Важным критерием различения, определяющим прагматические эффекты манипуляции, удовлетворяемые потребности, стратегии и соотнесенность с этическими нормами, является осознанный или бессознательный характер манипуляции. Если макиавеллизм, как система осознанных установок и соответствующих манипулятивных стратегий, опирается на инструментальные потребности, то проективная идентификация, как ранняя – защитная – форма манипуляции, служит витальным потребностям и, в этом смысле, аэтична. Тем не менее избыточность как сознательных, так и бессознательных форм манипуляции указывает на внутреннее неблагополучие: макиавеллизм, по данным разных исследований, связывается с комплексом дисфункциональных черт, а проективная идентификация, как примитивная защита, является частью пограничного уровня организации личности.

Ключевые слова: манипуляция, макиавеллизм, проективная идентификация

Манипуляция и макиавеллизм

В психологии контекст использования термина «манипуляция» постоянно расширяется, как и феноменология, открывающаяся за ним: в оценке власти и личности политических лидеров, в технологиях пропаганды и рекламы, в межличностных отношениях (семейных, психотерапевтических, трудовых), в клинике личностных расстройств и т.д. Вариативность форм манипуляции и многообразие определений обуславливают большое количество исследований, выполненных в русле различных, не всегда сопоставимых подходов. К манипуляции могут быть отнесены как самые разные формы социального поведения, так и клиническая симптоматика: ложь, хитрость, прямое физическое насилие, запугивание, жалобы, избирательное внимание, сарказм, осуждение, соблазнение, рационализация (спин), индуцирование вины и стыда, подкуп, парасуицид, агрессия и др. [Соколова, 1989; Freedenthal, 2007; Potter, 2006].

Содержательно все эти феномены объединяет обнаруживаемое стремление субъекта к неограниченному контролю и управлению мыслями, чувствами и поведением партнера по коммуникации, любыми средствами и при полном игнорировании особенностей душевного мира партнера. Одно из обобщающих определений принадлежит П.Вацлавiku: он называет манипуляцией такой способ взаимодействия, в котором прагматический эффект (т.е. воздействие на партнера) приобретает статус самоцели [Вацлавик и др., 2000].

Манипуляция предполагает потребительское и аэтическое отношение к Другому, и в этом смысле манипуляция всегда противоположна диалогу, потенциально разрушительна для открытых доверительных отношений [Соколова, 1995]. Эта точка зрения поддерживается рядом исследователей. Например, подчеркивается деструктивность манипуляции: «наличие обмана и разрушительность в

результате коммуникации – определяющие характеристики феномена манипуляции индивидом или обществом» [Дружинин, 2005]. Или ее не прямой характер, оснащенность специальными стратегиями: «манипуляция – это вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями» [Доценко, 2003, с. 58]. Оксфордский словарь указывает на специфическое качество манипулятивных действий: это контроль или влияние (на ситуацию или человека), осуществляемое изощренным, нечестным (бессовестным) способом (см. Oxford Dictionaries: <http://oxforddictionaries.com/definition/english/manipulation>).

Помимо сознательной манипуляции, служащей, как правило, целям продвижения по социальной лестнице, достижению и утверждению власти, существуют и бессознательные ее формы, удовлетворяющие, преимущественно, нарциссические потребности: в неограниченном самоуважении и признании, в гипертрофированном подтверждении собственного существования, в симбиотическом слиянии и т.д. К основным способам бессознательного манипулирования могут быть отнесены ригидно воспроизводимые сценарии родительского поведения, стабилизирующие клинические симптомы, а также инфантильно-примитивные защитные механизмы личности (проективная идентификация, деперсонализация), из интрапсихических регуляторов психической жизни экстернизирующихся в межличностные.

Между тем в большинстве определений подчеркивается осознаваемый (и целенаправленный) статус манипулятивного действия как своего рода социальной инженерии. Согласно Дж.Хамильтону, это умышленное воздействие или контроль над поведением другого ради собственной выгоды с помощью обаяния, убеждения, соблазна, обмана, насилия или индуцирования вины [Hamilton et al., 1986]. К кругу феноменов, для которых намеренность является важной характеристикой, относятся методы, используемые в СМИ, рекламе и политике. Распространенным приемом является манипулирование чувствами и потребностями потребителя: за индуцированием определенной эмоции предъясняется необходимый манипулятору способ разрядки, обещающий избегание негативной эмоции или сохранение позитивной. Например, сосредоточение агрессии на определенном объекте или удовлетворение от покупки новой модели телефона и т.д.

Помимо аффективного воздействия средства массовой информации (СМИ) успешно влияют и на когниции – с помощью особого структурирования информации о проблеме и ее решении. Возможно избирательное представление фактов и создание предубеждения такими оборотами, как «всем известно, что» и «само собой разумеется» и т.д., в то время как информация может быть далеко не бесспорной и представлять собой дискуссионную точку зрения [Аронсон, Пратканис, 2003]. В стилистике речи (в основном, политиков) выделяется несколько манипулятивных категорий: отрицание без отрицания, извинение без извинения, пассивный залог («были допущены ошибки»). Их объединяет сокрытость смысла под социально одобряемой оболочкой – например, политик формально приносит извинения, но если разобраться в грамматической структуре высказывания, станет ясно, что за этими «извинениями» не стоит чувство вины или желание исправить нанесенный вред. Методы манипуляции в СМИ хорошо разработаны: это используемые категории языка и эмоциональной экспрессии, сенсационность и срочность, повторение, дробление, изъятие из контекста, тоталитаризм источника сообщений, тоталитаризм решения, смешение информации и мнения, прикрытие авторитетом, активизация стереотипов, некогерентность высказываний и т.д. [Кара-Мурза, 2003].

По критерию осознанности близким феноменом, активно изучаемым в психологии, является макиавеллизм. Согласно В.В.Знакову, это набор особых установок и убеждений, обосновывающих для человека возможность использовать других людей в своих целях, не задумываясь о последствиях манипуляций для других субъектов [Знаков, 2002]. Таким образом, это представление о других людях, с высокой вероятностью влекущее за собой манипулятивное поведение, может быть выявлено с помощью опросника (Mach-IV) и сопоставлено с другим набором черт и установок [Fehr et al., 1992].

Макиавеллизм долгое время считался фактором успешности, прогностически позитивной характеристикой работника большой корпорации. Некоторые компании открыто сообщают, что предпочитают выбирать людей с высоким уровнем макиавеллизма, так как они прагматичны, эмоционально дистанцированы и способны самостоятельно принимать решения [Carlin, 2011; Weber, 2007]. Манипулятивные навыки макиавеллистов в сочетании с низким нейротизмом, высоким

психотизмом и экстраверсией обсуждались как предикторы успешного ведения бизнеса [Skinner, 1983]. Р.Кристи и Ф.Гейс (Cristie R., Geis F.) в своем метаисследовании показали, что макиавеллистов часто описывают как амбициозных, умных, настойчивых, более коммуникабельных и убедительных независимо от того, говорят они собеседнику правду или лгут [Зенцова, 2009; Знаков, 2002]. Эти личности более целеустремленны и конкурентоспособны, направлены, прежде всего, на достижение цели, а не на взаимодействие с партнерами [Знаков, 2002]. Макиавеллизм рассматривался как фактор лидерского поведения [Kohyar et al., 2010; Robins et al., 2001]. Напротив, неманипулятивное поведение оценивается как слабость, социальная некомпетентность, неумение добиться своего [Carlin, 2011].

В течение длительного времени в позициях исследователей преобладала известная идеализация макиавеллизма как наиболее эффективной стратегии быстрого социального роста, чему способствовали спекуляции о биологических предпосылках жестокости и борьбы за выживание. Согласно этой точке зрения склонность умного человека быть противоречивым, непостоянным, неверным, эгоистичным, жестоким, лицемерным не рассматривается как преступление против человеческой природы, напротив, считается ее выражением [Jones, 2007]. При этом неправомерно отождествляется способность понимать Другого на основе моделирования душевного мира, отличного от своего (называемую эмпатией, социальным интеллектом или ментализацией и психологическим складом ума), и способность управлять поведением Другого, как раз игнорируя наличие у этого Другого собственной душевной жизни.

«Макиавеллианский интеллект», как утверждают некоторые антропологи, развивается в ответ на усложнение социальных задач, структур и правил (воспитание младших особей, распределение ресурсов и т.д.), с необходимостью требующих антиципации последствий собственных действий, действий других и учета соотношения выигрышей и потерь. Последнее невозможно только на основе индуктивных знаний (научения путем проб и ошибок). «Гипотеза социального мозга» Р.Данбар утверждает, что именно необходимость анализировать собственные и чужие состояния по косвенным данным и применять эти знания для достижения своих целей привела к развитию человеческого головного мозга [Dunbar, 2006]. Утверждается, что не подозрительность, враждебность, цинизм и убежденность в возможности манипулировать другими – черты, также присущие макиавеллизму [Знаков, 2002] – стали «двигателем» эволюции. Макиавеллианский интеллект трактуется здесь как разновидность высокого социального интеллекта, метакогнитивные способности и высокоорганизованные навыки эффективного «чтения мыслей», обеспечивающие конкурентные «выигрыши» в сложно организованном обществе [Carruthers, 2009]. Макиавеллизм является переменной, опосредующей влияние высокого эмоционального интеллекта на выбор эгоистичного или, наоборот, просоциального поведения [Côté et al., 2011].

Изменению в исследовательском отношении к манипуляции способствовала, в частности, растущая обеспокоенность общества безответственным отношением к ресурсам, необходимость ограничения политики бесконтрольного потребления. Исследования этического компонента в предпринимательской деятельности, маркетинге, экологии показали, что макиавеллизм как выраженная форма эгоизма отрицательно коррелирует с просоциальным поведением, например с заботой об окружающей среде [Swami et al., 2009, 2010]. Было введено особое понятие «этического лидерства» – это, с одной стороны, управление, основывающееся на нормативных принципах, а с другой – создание в коллективе атмосферы доверия и взаимной ответственности. Высокий уровень макиавеллизма у руководителя снижает эффективность его деятельности, поскольку декларируемые принципы вступают в конфликт с собственными методами лидера [Den Hartog, Belschak, 2012].

Помимо отрицательного влияния макиавеллизма на управление организацией исследователи показали отсутствие связи макиавеллизма, который, исходя из определения, предполагает стремление к социальному и материальному продвижению, и так называемого саморуководства (self-leadership) – планирования деятельности, внутренней мотивации, конструктивного мышления [Further et al., 2011]. Это подтверждает имеющиеся данные о внешнем локусе контроля макиавеллистов [Егорова, 2009], преимущественно внешней мотивации и позволяет сделать предположение о нестабильности и невысокой эффективности выбираемых стратегий поведения. Косвенно эти данные могут интерпретироваться также в пользу социальной и культурной обусловленности макиавеллизма в большей степени, чем врожденными предрасположенностями мозговой организации. В других исследованиях показано, что макиавеллизм наряду с полом, уровнем идеализма и морального

релятивизма влияет на отношение студентов к обману, тогда как возраст, успеваемость, расовая принадлежность – нет [Saulsbury et al., 2011]. Низкий уровень макиавеллизма положительно связан с более аккуратным, морально обоснованным выбором стратегий поведения в бизнесе и повседневной жизни (отрицательное отношение к обману, лжи или к утилитарной позиции по отношению к другому), предполагая внимание к вопросам этики и морали [Bartels, Pizarro, 2011; Malinowski, 2009; Pandey, Singh, 1986].

Особое значение макиавеллизм приобретает в ситуациях морального выбора: было проведено исследование вклада этой личностной черты в процесс принятия решения о плановом бюджете, определяемого умышленной недооценкой прибыли или переоценкой расходов при планировании. Это распространено в организациях, где доходы тесно связаны не с фактическим успехом компании, а с формальным выполнением плана. У человека, участвующего в принятии такого решения, есть дилемма: планируемый бюджет выгоден для его подразделения, но снижает эффективность работы компании в целом. Оказалось, что «высокие» макиавеллисты в такой ситуации больше склонны поддаваться давлению заинтересованных лиц, чем «низкие» макиавеллисты [Hartmann, Maas, 2010].

В новой исследовательской парадигме, в значительной степени благодаря развитию биоэтики и интересу к ценностно-смысловым основаниям саморегуляции, макиавеллизм начинает анализироваться как «пограничное» между нормой и патологией поведение, соотносимое, в частности, с некоторыми клиническими феноменами и расстройствами личности. Так, по ряду параметров макиавеллизм сближается с психопатией – как первичной, так и вторичной [Ali, Chamorro-Premuzic, 2010a, b; Ali et al., 2009; Jones, Paulhus 2010a, b; Jones, Paulhus, 2011]. Помимо объединяющей эти черты неудовлетворенности близкими отношениями [Ali, Chamorro-Premuzic, 2010b] были обнаружены нарушения эмпатии – как аффективного, так и когнитивного ее компонентов [Ali et al., 2009], и общее эмоциональное обеднение [Mchiskey, 1998].

Аффективный компонент эмпатии предполагает способность пережить эмоции другого, тогда как когнитивный в большей степени связан с theory of mind (ToM) и определяется как возможность понять, концептуализировать и построить гипотезы относительно чувств другого человека [Lawrence et al., 2004]. Исследование, посвященное связям психопатии, макиавеллизма, эмпатии и theory of mind, было построено на предположении о том, что первичным в нарушении коммуникации оказывается именно дефицит ToM, а не отсутствие желания понять другого [Ali, Chamorro-Premuzic, 2010a]. Оказалось, что высокий балл по шкале макиавеллизма отрицательно связан с точностью ответов в заданиях на ToM в целом, и в частности – с распознаванием нейтральных и позитивных выражений лиц, нейтрального тона голоса. Авторы предполагают, что для манипулирования другими людьми макиавелистам, как и первичным психопатам, важнее обращать внимание на яркие эмоции, чтобы корректировать стратегии поведения, а более тонкие, нюансированные чувства остаются без внимания [Ali, Chamorro-Premuzic, 2010a].

Выраженная склонность к манипуляции обнаруживается в клинике личностных расстройств. При зависимости от психоактивных веществ, отношения с другими людьми все больше приобретают характер средства получения наркотика и сводятся к манипуляциям в форме принуждения и обмана. На ранних стадиях депрессии нарастание состояний отчаяния, беспомощности и ярости может доходить до суицидальных попыток. При антисоциальном расстройстве желание достичь своих целей не ограничено никакими правилами, поэтому и ложь, и насилие рассматриваются как приемлемые способы. При нарциссическом расстройстве окружающие используются для поддержания самооценки, являясь не больше чем зеркалами. При пограничной патологии неконтролируемые импульсы (гнев, тревога) [Putnam, Silk, 2005] в сочетании с системой примитивных защит, таких как расщепление и проективная идентификация, реализуются в агрессивном поведении, например, по отношению к персоналу: несправедливые требования, сутяжничество, внезапные смены настроения, уходы, применение насилия. Остается, правда, трудно верифицируемым, какая часть манипуляций пограничных пациентов сознательна (как ответ на угрозы и непостоянство мира), а какая – бессознательна [Соколова, 2009; Hamilton et al., 1986].

Примитивные защитные механизмы деформируют восприятие, создавая искаженные образы других людей, а высокая тревога перед неопределенностью заставляет использовать манипуляцию как генерализованное средство контроля над враждебными и непредсказуемыми окружающими. Клинические исследования ближе подходят к пониманию нарциссических источников мотивации

манипуляции, порождаемой диаметрально противоположно и бессознательно действующими инстинктивными устремлениями – к сближению (слиянию) и паническому избеганию поглощения, потери личной автономии, самоуважения и индивидуальности [Соколова, 2009; Соколова, Чечельницкая, 2001].

Манипуляция как межличностная защита

Мотивационные источники и регуляторные функции манипуляции яснее открываются при анализе ее наиболее архаической и примитивной формы – проективной идентификации (ПИ).

Термин «проективная идентификация» многозначен и, с одной стороны, фиксирует онтогенетический аспект развития, а именно динамику психической жизни младенца и матери под влиянием простейшего механизма саморегуляции, а с другой – движение взаимных перцепций в трансферентных отношениях в психотерапии. Мелани Кляйн описала проективную идентификацию как защитный механизм на шизо-параноидной позиции, позволяющий исторгнуть в материнский объект, вынести вовне расщепленные части Эго и таким образом снизить тревогу от действия инстинкта смерти [Кляйн, 2001]. «Часть инстинкта смерти проецируется во внешний объект, который, таким образом, становится преследователем, тогда как другая часть инстинкта смерти, которая остается в Эго, обращает свою агрессию против этого преследующего объекта» [Розенфельд, 2003]. Другая часть объектов идеализируется с помощью проекции инстинкта жизни и интернализируется, образуя частичный любящий внутренний объект.

Таким образом, проективная идентификация, снижает травматичность и невыносимость персекуторной тревоги и аннигиляции в диффузном еще мире младенца. В ходе первичного конструирования самости и объектов материнский образ представляется то ненавидимым преследователем, то любящим и дающим родителем, тем самым вынуждая объект к соответствующему поведению – стать «приемником» и «контейнером» для младенческих «экскрементов» [Соколова, 1995; Соколова, Чечельницкая, 2001].

Г.Розенфельд подчеркивает, что «проективная и интроективная идентификации самости и объекта действуют как защита от какого бы то ни было осознания сепаратности между самостью и объектами» [Розенфельд, 2003]. Признание отделения означает зависимость от объекта и зависть к хорошим качествам, отсутствующим у нарциссического пациента. С завистью к возможностям психотерапевта интерпретировать связана тенденция обесценить, разорвать терапию, когда, казалось бы, достигнуты некоторые улучшения.

В 1950-е годы У.Бион предложил различать нормальную и патологическую проективную идентификацию в зависимости от ее частоты, интенсивности и степени «насилия» над объектом в ее реализации [Приводится по: Хиншелвуд, 2007].

Патологическую проективную идентификацию характеризует частая и интенсивная эвакуация болезненного душевного состояния для достижения непосредственного облегчения путем вторжения в объект и контроля над ним. Этот вид проективной идентификации связан с высокой степенью ненависти, слияния и контроля над Объектом, со значительным расщеплением самости и особой целью – разрушением понимания, «атакой на связи».

Нормальная проективная идентификация, при использовании тех же примитивных средств, соотносится с иной мотивацией: свое душевное состояние «впечатывается» в Объект ради предотвращения тотального игнорирования, удержания объекта и установления при этом какого бы то ни было способа коммуникации с Объектом, аналогичного примитивной эмпатии. Младенец «вкладывает» в мать невыносимые переживания, она «контейнирует» и обезвреживает их, если обладает достаточной эмоциональной выносливостью, сопереживанием и пониманием, и возвращает обратно для ре-интроекции в более приемлемой, психически переработанной и потому доступной для усвоения форме, тем самым предотвращая накопление агрессии и избыточное опустошение психики ребенка. Аналогично, по мысли У.Биона, должны разворачиваться отношения между пациентом и терапевтом [Приводится по: Хиншелвуд, 2007, с. 118].

В связи со столь распространенным пониманием проективной идентификации как агрессивного «вложения» в Другого, Н.Хамилтон (N.Hamilton) специально привлекает внимание исследователей к ее позитивным аспектам. Им обсуждается процесс «позитивной проективной идентификации», когда на другого человека проецируются «хорошие» и «любящие» Я-репрезентации, с тем чтобы через повторную интроекцию активизировать развитие позитивных объектных отношений, используя эмпатическую связь с принимающим объектом. По мнению Х.Томэ и Х.Кэхеле, представления Н.Хамилтона о «позитивной проективной идентификации» отчасти перекликаются с представлениями Х.Кохута об «идеализируемом» и «отзеркаливаемом» Я-объектах [Томэ, Кэхеле, 2001].

Основываясь на теории М.Кляйн, можно предположить, что «нормальный» и «патологический» варианты ПИ являются продуктами разных позиций в развитии объектных отношений (депрессивной и шизо-параноидной соответственно), в то время как в терапевтическом процессе возникает их сложная динамика и переплетение в различные по своей внутренней интеграции паттерны.

Несмотря на то что сама М.Кляйн рассматривала проективную идентификацию как раннюю и примитивную фантазию, то есть в интрапсихическом аспекте [Кляйн, 2001], ее исследования послужили толчком к пониманию защитных механизмов не только как интрапсихических, но и как интеркоммуникативных феноменов. Эти примитивно-архаические механизмы защиты на интерпсихическом уровне выполняют задачу организации и контроля отношения «значимого другого» посредством индукции эмоциональной связи – своего рода примитивной манипуляции (по типу насильственного симбиоза и слияния) – и «вручения» себя другому перед лицом собственной беспомощности в организации и контроле всплесков мощных агрессивных и любовных импульсов.

Впоследствии эти идеи во многом инициировали изучение «отношений привязанности», структурной организации и генеза «пограничной» и «нарциссической» личности [Кернберг, 1997; Кохут, 2002; Томэ, Кэхеле, 2001]. Они также оказали существенное влияние на методы психотерапии пациентов с серьезными расстройствами личности, способствовали открытию позитивной функции контрпереноса в качестве метода эмпатического понимания единственно доступного пациенту способа сообщения о своем невыносимом состоянии.

Принятие и поддержка «нормальных» функций проективной идентификации стали рассматриваться частью психоаналитических исследователей в качестве общей стратегии, направленной на восстановление разрушенных эмоциональных связей. Стадия «холдинга», одного из универсальных методов контейнирования хаотического эмоционального опыта, признается необходимой в терапии погранично-нарциссических пациентов как способ «репарации» и интеграции Я и Объект-репрезентаций, тонкий и, возможно, наиболее эффективный метод понимания бессознательного довербального травматического опыта через вхождение в эмоциональную коммуникацию с пациентом [Балинт, 2002; Кохут, 2002]. Вместе с тем психотерапия «трудных» пациентов сопряжена с деструктивным воздействием примитивных защит, сопротивлений и с тяжелым расщепленным состоянием пациентов.

Мощность воздействия на терапевта так велика, что требует от него постоянного отстаивания границ. Н.Мак-Вильямс пишет: «когда вы имеете дело с пациентом, абсолютно уверенным в «истинности» ваших чувств, с его неустанной борьбой за то, чтобы вы почувствовали именно это, – нужна ясная голова и железная самодисциплина для того, чтобы выдержать подобный эмоциональный напор» [Мак-Вильямс, 1998, с. 56]. У.Бион описывает похожий феномен: «Аналитик чувствует, что им манипулируют таким образом, чтобы он играл некую роль несмотря на то, что ее трудно распознать в чужой фантазии» [Bion, 1961, p. 149]. Такие пациенты как раз пытаются, по выражению Балинта, «забраться аналитику под кожу» и как будто обладают безграничным знанием о его мотивах и переживаниях [Балинт, 2002, с. 28].

Терапевтическая интерпретация не работает как метод интеграции психической жизни, напротив, она расценивается как атака со стороны аналитика, грубость, претензия или, наоборот, как нечто соблазняющее, возбуждающее [Балинт, 2002; Хиншелвуд, 2007]. Цель психотерапевта – принять проективную идентификацию пациента, модифицировать эту контейнируемую часть и в форме интерпретации вернуть ее обратно для последующей безопасной интроекции пациентом и части себя, и понимающей части аналитика, терапевтическим следствием чего становится возрастание его

внутренних ресурсов [Хиншелвуд, 2007].

Несколько иная позиция выражена в модели экспрессивной психотерапии О.Кернбергом, акцентирующим необходимость сочетания поддерживающих и экспрессивных методов, эмпатической поддержки и интегрирующей функции интерпретации примитивных защит в качестве единственной возможности преодоления негативного влияния проективной идентификации, связанной с чувством всемогущего контроля и, прежде всего, ненависти. Вследствие агрессии, пережитой в детстве, субъект идентифицируется и с жертвой, и с палачом, вовлекая других в эту ролевую структуру. В такую ловушку может попадать одновременно множество людей: в описанных случаях персонал больницы начал воспроизводить интрапсихический мир объектных отношений пациента, что активировало потенциальные конфликты между ними [Кернберг, 1997]. Одной части персонала пациент казался несчастным и достойным помощи и жалости, а другая считала, что его необходимо контролировать, пресекать манипуляции и ограничивать [Мак-Вильямс, 1998].

Заключение

Выраженность такой личностной черты, как макиавеллизм, с высокой вероятностью влечет за собой манипулятивное поведение, формы которого специфичны и опосредованы целым комплексом черт. К ним относится пренебрежительное, обесценивающее, овеществляющее отношение к другим людям – деперсонализация, нарциссическое отделение себя от других («право на манипуляцию»), дефицит эмоционального контакта, сопереживания.

Несмотря на осознанность установок (отчет о которых человек отдает себе при заполнении опросника), макиавеллизм может сосуществовать с бессознательными формами манипуляции, направленными на достижение других прагматических эффектов. При сознательной манипуляции (макиавеллизме) выгода, как правило, материальна: карьера, деньги, повышение социального статуса, власть. Можно говорить об инструментальном характере потребностей, тесно связанных с перфекционными представлениями и игнорированием нравственных регуляторов поведения. Бессознательная манипуляция младенца, преследуя иные цели, удовлетворяя жизненно важные потребности: в принятии, в общении, в интеграции идентичности, изначально (как проективная идентификация) реализует инстинкт самосохранения.

Умеренная проективная идентификация, частично «эвакуируя» непереносимое психофизическое напряжение и устанавливая резонансные эмоциональные отношения взаимозависимости, задает, таким образом, базовые матрицы для будущих более зрелых отношений близости, доверия и солидарности. В этом смысле слишком частое и некритичное использование манипуляции в зрелом возрасте может служить маркером переживания субъективного неблагополучия и стремления «легализовать» не прямое выражение «базовых потребностей Я, удовлетворение которых было травматически фрустрировано в раннем детстве неотзывчивым отношением Другого» [Соколова, Чечельницкая, 2001]. Поскольку внутренние источники мотивации скудны, основным поставщиком и гарантом выживания Я вынуждается стать Другой, идеализированно воспринимающийся эмоционально стабильным, отзывчивым, мудрым, слияние с которым жизненно необходимо, отношения с которым противоречивы и стабильно нестабильны, симбиотичны и насыщены мощными импульсами любви-ненависти [Blatt, Blass, 1996; Соколова, 2007, 2009].

Межличностный аспект проективной идентификации и ее манипулятивная функция в качестве примитивного бессознательного механизма регуляции отношений исследуются недостаточно. Феноменология проективной идентификации и функции, выполняемые ею, двойственны: это и простейшее структурирование, организация и контроль границ психического пространства, эмоционального содержания переживаний, коммуникативных ролей. Но также и один из генетически ранних способов агрессивного делегирования Другому ответственности, контроля и функций психической детоксикации собственных мощных разрушительных сил.

Именно на метакоммуникативный аспект этого процесса – воздействие на Другого посредством скрытых (невербальных, недостаточно вербализированных и осознанных) посланий-требований – мы обращаем сегодня особое внимание. Возникает, однако, серьезный риск, что понимание бессознательных механизмов манипуляции позволит в «постчеловеческом будущем» размывать

границы допустимости социальной инженерии, осознанно и целенаправленно развивать и совершенствовать практики макиавеллизма, «научно» обосновывая, таким образом, пренебрежение правами и достоинством другого человека.

Литература

- Аронсон Э., Пратканис Э. [Aronson E., Pratkanis A.] Эпоха пропаганды: механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление. СПб.: Прайм-Еврознак, 2003.
- Балинт М. [Balint M.] Базисный дефект: Терапевтические аспекты регрессии. М.: Когито-Центр, 2002.
- Вацлавик П., Бивин Дж., Джексон Д. [Beavin J., Jackson D., Watzlawick P.] Психология межличностных коммуникаций. СПб.: Речь, 2000.
- Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: Речь, 2003.
- Дружинин А.М. Коммуникативные практики. Философско-методологический анализ: дис. ... канд. философских наук. Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Москва, 2005.
- Егорова М.С. Макиавеллизм в структуре личностных свойств. Вестник Пермского государственного педагогического университета. Сер. 10, Дифференциальная психология, 2009, No. 1/2, 65–80.
- Зенцова Н.И. Особенности макиавеллизма и макиавеллианского интеллекта у лиц, зависимых от алкоголя и героина. Вопросы наркологии, 2009, No. 4, 66–73.
- Знаков В.В. Макиавеллизм, манипулятивное поведение и взаимопонимание в межличностном общении. Вопросы психологии, 2002, No. 6, 45–54.
- Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2003.
- Кернберг О. [Kernberg O.] Проективная идентификация, контрперенос и лечение в стационаре. Московский психотерапевтический журнал, 1997, No. 3, 131–150.
- Кляйн М. [Klein M.] Заметки о некоторых шизоидных механизмах. В кн.: Развитие в психоанализе. М.: Акад. проект, 2001.
- Кохут Х. [Kohut H.] Восстановление самости. М.: Когито-Центр, 2002.
- Мак-Вильямс Н. [McWilliams N.] Психоаналитическая диагностика: понимание личностной структуры в клиническом процессе. М.: Класс, 1998.
- Розенфельд Г. [Rosenfeld H.] Клинический подход к психоаналитической теории инстинктов жизни и смерти: исследование агрессивных аспектов нарциссизма. Журнал практической психологии и психоанализа, 2003, No. 3. <http://spp.org.ru/page.php?id=4>
- Соколова Е.Т. Самосознание и самооценка при аномалиях личности. М.: Моск. гос. университет, 1989.
- Соколова Е.Т. Изучение личностных особенностей и самосознания при пограничных личностных расстройствах. В кн.: Особенности личности при пограничных расстройствах и соматических заболеваниях. М.: Аргус, 1995. С. 27–206.
- Соколова Е.Т. Нарциссизм как клинический и социокультурный феномен. Вопросы психологии. 2009, No. 1, 67–80.
- Соколова Е.Т., Чечельницкая Е.П. Психология нарциссизма. М.: Психология, 2001.

Томэ Х., Кэхеле Х. [Thoma H., Kachele H.] Современный психоанализ: исследования. СПб.: ВЕИП, 2001.

Хиншелвуд Р. [Hinshelwood R.] Словарь кляйнианского психоанализа. М.: Когито-Центр, 2007.

Ali F., Chamorro-Premuzic T. Investigating Theory of Mind deficits in nonclinical psychopathy and Machiavellianism. *Personality and Individual Differences*, 2010a, 49(3), 169–174. doi:10.1016/j.paid.2010.03.027

Ali F., Chamorro-Premuzic T. The dark side of love and life satisfaction: Associations with intimate relationships, psychopathy and Machiavellianism. *Personality and Individual Differences*, 2010b, 48(2), 228–233. doi:10.1016/j.paid.2009.10.016

Ali F., Ines S., Chamorro-Premuzic T. Empathy deficits and trait emotional intelligence in psychopathy and Machiavellianism. *Personality and Individual Differences*, 2009, 47(7), 758–762. doi:10.1016/j.paid.2009.06.016

Bartels D.M., Pizarro D.A. The mismeasure of morals: antisocial personality traits predict utilitarian responses to moral dilemmas. *Cognition*, 2011, 121(1), 154–161. doi:10.1016/j.cognition.2011.05.010

Bion W.R. *Experiences in groups*. London: Tavistock Publications, 1961.

Blatt S.J., Blass R.B. Interpersonal Relatedness and Self-Definition: Two Basic Dimensions in Personality Development and Psychopathology. In: *Development and Vulnerabilities in Close Relationships*. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1996.

Carlin F. The art of influence. *Psychology Today*, 2011, 44(5), 64–69.

Carruthers P. How we know our own minds: The relationship between mindreading and metacognition. *Behavioral and Brain Sciences*, 2009, 32(2), 121–138. doi:10.1017/S0140525X09000545

Côté S., Decelles K.A., McCarthy J.M., Van Kleef G.A., Hideg I. The Jekyll and Hyde of emotional intelligence: emotion-regulation knowledge facilitates both prosocial and interpersonally deviant behavior. *Psychological Science*, 2011, 22(8), 1073–1080. doi:10.1177/0956797611416251

Den Hartog D.N., Belschak F.D. Work Engagement and Machiavellianism in the ethical leadership process. *Journal of Business Ethics*, 2012, 107(1), 35–47. doi:10.1007/s10551-012-1296-4

Dunbar R.I.M. Putting humans in their proper place. *Behavioral and Brain Sciences*, 2006, 29(1), 15–16. doi:10.1017/S0140525X06259016

Fehr B., Samsom D., Paulhus D.L. The construct of Machiavellianism: Twenty years later. In: C.D. Spielberger, J.N. Butcher (Eds.), *Advances in personality assessment*. Routledge, 1992. Vol. 9, pp. 77–116.

Freedenthal S. Challenges in assessing intent to die: can suicide attempters be trusted? *Omega: The Journal of Death and Dying*, 2007, 55(1), 53–70.

Further M.R., Rauthmann J.F., Sachse P. The self-loving self-leader: an examination of the relationship between self-leadership and the Dark Triad. *Social Behavior and Personality: An International Journal*, 2011, 39(3), 369–379. doi:10.2224/sbp.2011.39.3.369

Hamilton J.D., Decker N., Rumbaut R.D. The manipulative patient. *American Journal of Psychotherapy*, 1986, 40(2), 189–200.

Hartman F.G.H., Maas V.S. Why business unit controllers create budget slack: involvement in management, social pressure, and Machiavellianism. *Behavioral Research in Accounting*, 2010, 22(2), pp. 27–49. doi:10.2308/bria.2010.22.2.27

Jones D.N., Paulhus D.L. Different provocations trigger aggression in narcissists and psychopaths. *Social and Personality Psychology Science*, 2010a, 1(1), 12–18.

Jones D.N., Paulhus D.L. Differentiating the Dark Triad within the interpersonal circumplex. In: L.M. Horowitz, S.N. Strack (Eds.), *Handbook of Interpersonal Psychology: Theory, research, assessment, and therapeutic Interventions*. New York: Guilford, 2010b. pp. 249–267. doi:10.1002/9781118001868.ch15

Jones D.N., Paulhus D.L. The role of impulsivity in the Dark Triad of personality. *Personality and Individual Differences*, 2011, 51(5), 679–682. doi:10.1016/j.paid.2011.04.011

Jones M. *The Modern Prince: better living through Machiavellianism*. CreateSpace, 2007.

Kohyar K., Restubog S.L., Zagenczyk T.J., Kiewitz Ch., Tang R.L. In pursuit of power: The role of authoritarian leadership in the relationship between supervisors' Machiavellianism and subordinates' perceptions of abusive supervisory behavior. *Journal of Research in Personality*, 2010, 44(4), 512–519. doi:10.1016/j.jrp.2010.06.004

Lawrence E., Shaw P., Baker D., Baron-Cohen S., David A. Measuring empathy: Reliability and validity of the Empathy Quotient. *Psychological Medicine*, 2004, 34(5), 911–919.

Malinowski C. The relationship between Machiavellianism and undergraduate student attitudes about hypothetical marketing moral dilemmas. *Competitiveness Review*, 2009, 19(5), 398–408. doi:10.1108/10595420910996019

McHoskey J.W., Worzel W.Q., Szyarto C. Machiavellianism and psychopathy. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1998, 74(1), 192–210. doi:10.1037/0022-3514.74.1.192

Pandey J., Singh A.K. Attribution and evaluation of manipulative social behavior. *Journal of Social Psychology*, 1986, 126(6), 735–745.

Potter N.N. What is manipulative behavior, anyway? *Journal of Personality Disorders*, 2006, 20(2), 139–156. doi:10.1521/pedi.2006.20.2.139

Putnam K.M., Silk K.R. Emotion dysregulation and the development of borderline personality disorder. *Development and Psychopathology*, 2005, Vol. 17, 899–925. doi:10.1017/S0954579405050431

Robins R.W., Paulhus D.L., Delroy L. The character of self-enhancers: Implications for organizations. In: B.W. Roberts, R. Hogan (Eds.), *Personality psychology in the workplace. Decade of behavior*. Washington, DC: American Psychological Association, 2001. pp. 193–222. doi:10.1037/10434-008

Saulsbury M.D., Brown U.J., III, Heyliger S.O., Beale R.L. Effect of dispositional traits on pharmacy students' attitude toward cheating. *American Journal of Pharmaceutical Education*, 2011, 75(4), Article 69.

Skinner N.F. Personality correlates of Machiavellianism, extraversion and toughmindedness in business. *Social Behavior and Personality: An International Journal*, 1983, 11(1), 29–33. doi:10.2224/sbp.1982.10.2.201

Swami V., Chamorro-Premuzic T., Snelgar R., Furnham A. Personality, individual differences, and demographic antecedents of self-reported household waste management behaviours. *Journal of Environmental Psychology*, 2010, 31(1), 21–26. doi:10.1016/j.jenvp.2010.08.001

Swami V., Chamorro-Premuzic T., Snelgar R., Furnham A. Egoistic, altruistic, and biospheric environmental concerns: A path analytic investigation of their determinants. *Scandinavian Journal of Psychology*, 2010, 51(2), 139–145. doi:10.1111/j.1467-9450.2009.00760.x

Weber S. *Organizational behaviour – Google corporate culture in perspective*. Munich: GRIN Publishing, 2007. doi:10.3239/9783638017824

Поступила в редакцию 12 марта 2013 г. Дата публикации: 27 апреля 2013 г.

Сведения об авторах

Соколова Елена Теодоровна. Доктор психологических наук, профессор кафедры нейро- и патопсихологии, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, 125009, Москва, Россия.

E-mail: etsokolova@pochta.ru

Иванищук Галина Александровна. Аспирант (2013), кафедра нейро- и патопсихологии, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, 125009 Москва, Россия.

E-mail: Ivanishuk.galina@gmail.com

Ссылка для цитирования

Стиль psystudy.ru

Соколова Е.Т., Иванищук Г.А. Проблема сознательной и бессознательной манипуляции. Психологические исследования, 2013, 6(28), 3. <http://psystudy.ru>

Стиль ГОСТ

Соколова Е.Т., Иванищук Г.А. Проблема сознательной и бессознательной манипуляции // Психологические исследования. 2013. Т. 6, № 28. С. 3. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

Адрес статьи: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n28/790-sokolova28.html>

[К началу страницы >>](#)